

Максим Горький

Михаил Вилонов

Максим Алексеевич Горький

Михаил Вилонов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666095

Аннотация

«Правильно круглый череп покрыт тёмным бархатом густых, коротко остриженных волос, смуглое лицо хорошо освещено большими глазами, белки – синеваты, зрачки – цвета спелой вишни; взгляд этих глаз сначала показался мне угрюм и недоверчив. Лицо его нельзя было назвать красивым: черты слишком крупны и резки, но, увидав такое лицо однажды, не забываешь никогда. На бритых щеках зловеще горел матовый румянец туберкулеза...»

Максим Горький

Михаил Вилонов

Один из хороших советских поэтов, Дмитрий Семёновский, в стихотворении своём «Слава злобе», напечатанном, если не ошибаюсь, в одном из номеров «Прожектора» за прошлый год, сказал:

Мне тяжело, когда, подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор. Но – слава злобе,
Воинствующей за любовь!

Если бы это четверостишие говорило не о злобе, а о более глубоком и творческом чувстве, чем она, – о ненависти, – я мог бы взять его эпиграфом к моему воспоминанию о Михаиле Вилонове. Был такой Человек; думаю, что те из товарищей, которые встречались с ним, чётко помнят его.

Он был создан природой крепко, надолго, для великой работы. Монументальная, стройная фигура его была почти классически красива.

– Какой красивый человек! – восхищались каприйские рыбаки, когда Вилонов, голый, грелся на солнце, на берегу моря.

Правильно круглый череп покрыт тёмным бархатом густых, коротко остриженных волос, смуглое лицо хорошо

освещено большими глазами, белки – синеваты, зрачки – цвета спелой вишни; взгляд этих глаз сначала показался мне угрюм и недоверчив. Лицо его нельзя было назвать красивым: черты слишком крупны и резки, но, увидав такое лицо однажды, не забываешь никогда. На бритых щеках зловеще горел матовый румянец туберкулеза.

Вилонов был рабочий, большевик; несколько раз сидел в тюрьме; после 1906 года тюремщики, где-то на Урале, избili его и, бросив в карцер, облили нагого, израненного, круто посоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном, холодном асфальте; этим и было разрушено его могучее здоровье.

И в первые дни знакомства он вызвал у меня впечатление мрачного, угнетённого болезнью, очень самолюбивого, зачитавшегося книг не по силе его уму и подавленного книжностью. Мне рассказывали легенды о его партийной работе в пятом-шестом годах, о его бесстрашии, нечеловеческой выносливости, и я подумал, что человеку этому естественно было устать и что живёт он по инерции, автоматически, как многие жили в ту пору.

Ошибиться было легко: я так много видел людей нервно истерзанных, озлобленных до бешенства, до отчаяния, почти до безумия, – побеждённых и смертельно уставших людей. Были и такие побеждённые, которые, казалось, завидуют «торжеству победителей», гораздо сильнее, чем ненавидят их. Люди этого типа, помня поговорку «победителей не

судят», с явным и злым пристрастием несчастливых игроков судили своих товарищей, тоже побеждённых, но оказавшихся неспособными сложить оружие.

Вилонов на первых же выступлениях своих по организации преподавания в Каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе. Говорил он глуховатым голосом человека с большими лёгкими, иногда вскрикивая несколько истерически, но я заметил, что он кричит книжные слова лишь тогда, когда у него не хватает своих.

Меня, привыкшего слышать личные выпады и едкие колкости нервных людей, Вилонов очень радостно удивил сочетанием в нём пламенной страстности с совершенным беззлобием.

– Ну, а чего же злиться? – спросил он меня в ответ на моё замечание. – Это уж пусть либералы злятся, меньшевики, журналисты и вообще разные торговцы старой рухлядью.

Помолчал и довольно сурово прибавил:

– Революционный пролетариат должен жить не злостью, а – ненавистью.

Затем, хлопая ладонью по колену своему, сказал с явным недоумением:

– Тут, у вас, какая-то чортова путаница: идея воспитания профессиональных революционеров – идея Ленина, а его – нет здесь! Против этой идеи могут спорить только шляпы и

сапоги, а ведь тут...

Не договорив, он ушёл.

Разговориться с ним трудно мне было, первые дни он не очень ладил со мной, смотрел на меня недоверчиво, как на некое пятно неопределённых очертаний. Но как-то само собою случилось, что однажды, кончив занятия в школе, он остался обедать у меня, а после обеда, сидя на террасе, заговорил с добродушной суровостью:

– Пишете вы – не плохо, читать вас я люблю, а – не совсем понимаю. Зачем это возитесь вы с каким-то человеком, пишете его с большой буквы даже? Я эту штуку «Человек» в тюрьме читал, досадно было. Человек с большой буквы, а тут – тюрьма, жандармы, партийная склока! Человека-то нет ещё. Да и быть не может – разве вы не видите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.